

ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА

Юбилей

Литераторы
начали
праздновать
первыми

На этой неделе Москва временно отключается от Александра Сергеевича и переносит свое внимание на Владимира Набокова.

Дарья АКИМОВА

Частично праздновать начали уже на прошлой неделе. Первыми в процесс включились литературоведы. В бывшей Ленинке прошли очередные Гумановские чтения, на которых не обошлось без обсуждения Набокова. Удивительно, но в этом году академик не просто слушал друг друга, но и общался с широкой публикой, тем более что доступ в конференц-зал был открытым (пока известная городская сумасшедшая не пронесла туда муляж писателя). Впервые за много-много лет все места в зале были заняты. Да и то: пообсуждать в числе прочих творения корифея съезжались чуть ли не сотня академиков из Беларуси, Украины, не говоря уже о России.

На этом РГБ свои «набоковские мероприятия» не закончила. В зале каталогов сейчас происходит выставка изданий классика. Правда, «не такая шикарная, как пушкинская, на которую мы столько сил положили», — признался организатор. Однако на бедность набоковская экспозиция похвалиться тоже не может: русские и зарубежные издания, от первых до самых последних — все из фондов библиотеки, разумеется.

На литературных, впрочем, все не заканчивается.

Театралы — это вообще разговор отдельный. Художники тоже решили не отставать. Так что мероприятия, связанные со 100-летием господина Набокова, в городе ожидаются предостаточно.

Близость к Набокову — дело скользкое
С 20 по 27 апреля театр «Сфера», Российский фонд культуры, СТД, Минкульт России, Комитет по культуре Москвы и мэрия проводят московский театральный фестиваль, посвященный 100-летию Владимира Набокова.

Ирина КОРНЕЕВА

В его программу включены все спектакли по произведениям Набокова, идущие в настоящий момент в столичных театрах. Их шесть: «Набоков, Машенька» театральной компании Сергея Виноградова; «Камера обзора» театра «У Табокова»; «Два Набокова» театра «У Никитских ворот»; «Лолита»; «Смех во мраке» и «Король, дама, валет» театра «Сфера».

По итогам фестиваля 27 апреля в «Сфере» между этими шестью спектаклями четыре театра должны распределиться семь наград. Так что одним из лучших станет каждый. Сей акт прокомментировал член жюри Лев Аннинский.

Столько номинаций было создано, чтобы стимулировать, а не определять первенство. Театральный фестиваль ведь не спортивное состязание: кто выше прыгнет. Это именно круг, в котором все понемножку обменивается ценностями.

А чья вообще была идея раздавать награды?

— Не моя.

— Но вам все же предстоит назвать лучшего режиссера и режиссера по пластике, лучшего художника и двух лучших актрис и актеров. Каковы критерии? Кто ближе к Набокову, кто дальше?

— Близость к Набокову — дело скользкое. Если будет какой-то вопиюще противоречие или несогласие с Набоковым, это может стать причиной либо того, что спектакль не получит награды, либо, наоборот, именно он не получит за приемыш с автором. При условии, что политика на тему. А если не найдем прямых доказательств, тогда критерии будут совершенно другие. Допустим, смотрим: что очень хороший спектакль говорит о нашей современности.

Как актер сыграл, как выстроил сцену, режиссура, что о нем самом современники и наш зритель скажут. Наиболее интересное будет примером. Я бы так во всяком случае судил.

Занимательное литературоведение

В Санкт-Петербургском институте «Искусство-СПб» недавно вышли комментарии Владимира Набокова к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» — первая публикация русского перевода титанического научного труда Набокова, появившегося к 200-летию Пушкина и 100-летию Набокова в результате усилий Набоковского фонда. Около тысячи страниц, полных набоковской иронии и пронизательности.

Ирина КОРНЕЕВА

Пушкин писал «Евгения Онегина» более восьми лет. Набоков делал перевод романа на английский и составлял к нему комментарии — пятнадцать. Зачем в ущерб собственному творчеству писатель приступил к столь колоссальному труду — вопрос справедливый и возникающий у любого: от научного редактора книги до рядового читателя, кому приключилось держать в руках этот увесистый том. Ответ нужно искать у самого Набокова: «Читая все до одной его записки, поэмы, сказки, эссе, письма, драмы, критические статьи, без конца их перечитывая — в этом одна из радостей нашей жизни...».

Виктор Ерофеев
успешно осуществил
«набоковизацию» СССР

Виктор ГАЛАНТЕР

Мне впервые в жизни
не подарили руки!

— Если мне не изменить память, вы автор предисловия к первому изданию Набокова в СССР? — Верно. К тому же я фактически выпустил первую советскую «Лолиту» в 1988 году. Моя статья о Набокове в «Вопросах утратенного права» расстроила по предисловиям и официальным, и пиратским. «Огоньковский» тираж четырехсотника Набокова в миллион семестов экземпляров, который я составил и прокомментировал, разошелся за две недели. Вы не ошибесь, если напишете, что я произвел «набоковизацию» всей страны. Помню, когда вышла «Лолита», пришел адъютант от Горбачева и взял два экземпляра...

— Для себя и Раисы Максимовны?

«Лолита», можно сказать, вошла в президиумский дом с моей помощью (смеется). В то время я очень бурно помог сделать имя Набокова в России общезначимым: ведь в интеллигентских домах Набоков уже присутствовал где-то с конца 60-х годов, тогда как для большинства он был писателем-невидимкой. Его российский карьеру, конечно, сильно поспособствовал эффект «запретности плода», столь притягательный — особенно для интеллигенции. Он сначала как бы жарился на медленном огне, хорошо протушился, а когда подошла эпоха реформ, был подан в качестве основного литературного блюда на стол миллионов читателей. Имело место настоящее гастрономическое мероприятие — косточек не оставили. К «огоньковскому» четырехсотнику какие-то шустрейшие люди «приделали» пятый том и поместили туда «Лолиту». Уж не знаю, сколько они денег заработали, а я получил за свою адскую двухтомную работу стандартный «огоньковский» гонорар типа три рубля.

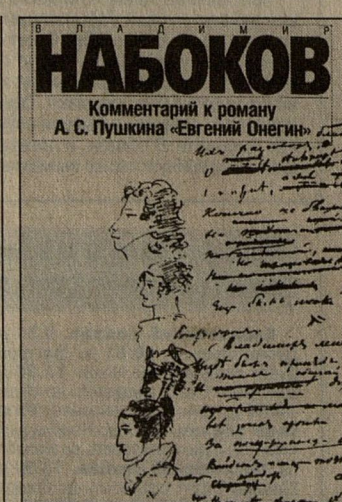
— А что это за история с обидой на вас семьи Набоковых?

— Была совершенно дикая обида.

Мне впервые в жизни не подарили руки! На «Богов» — какой конференции в Париже меня познакомил с симпатичной женщиной, как оказалась, родной, что ли, племянницей Набокова: я протянул руку — она нет. Что случилось? Вы не соблюли авторских прав? Как судить о судьбе и обстоятельствах Набокова. Я так искренне и наивно удивился этому демаршу, что в конце концов рукопожатие все-таки состоялось.

По-моему, имел место еще некий симпатичный инцидент? — Когда вышла «Лолита», я был в Швейцарии. Позволил в отель в Монтре, где жила вдова Набокова, и сказал ей: «Вы знаете, ваш муж в своей жизни сделал одну ошибку: провозгласил, что «Лолита» никогда не будет написана в России». Она пригласила меня к себе. У него унаследован, что чета Набоковых всегда жила в номере «64». И сразу догадался о его значении: на шахматной доске — шестидесять четверть. У него, очевидно, все было продумано. Я сидел внизу и ждал, когда Вера Евсеевна меня пригласит. Наконец, является важный лакей и сообщает, что госпожа Набокова плохо себя чувствует.

Ход конем — Было ли творчество Набокова вызовом традициям русской классической литературы, как это ему иногда приписывают? — Пограничное произведение всегда более радикально, чем сам создатель этого произведения. Набоков как человек, который и продолжает, и разрывает традицию (да в литературе только так и можно действовать), менее радикален, чем его книги. Хотя и славен своими крайне радикальными формулировками. Но это потом. А когда начинал, то являлся человеком, который не выходя из традиций, делал шаг вперед. Символизму он обрубил голову метафизики, а так — вполне «оттуда». Вплоть до своего американского творчества. А вообще Набоков сделал

этой хрупкой башмачок — XXXIII строфа» он зашевелил «за и против» всякого рода. Строки — Как я желал тогда с вами! Коснуться милых ног устам! по его версии могли относиться сразу к двум или даже к четырём женщинам, одной из которых едва исполнилось тринадцать с половиной лет, а другая находилась на последнем месяце беременности. «Нимфеткой» оказалась Мария Раевская. А метафора возникла из вполне реальной картины, которую подтвердила сама барышня в письме. Дело было в Таганроге, у моря. «Не подозревая, что поэт идет за нами, я забавлялась, убаюкивая волны, которая накатывала, догоняла меня и молила мне ноги... Пушкин нашел эту картину столь гармоничной, что написал чувственные стихи...» В восемнадцать лет Мария Раевская выйдет замуж за князя Сергея Волконского, видного декабриста, героически последует за ним в ссылку, где, по-

Другие берега

Писатель
не мастер —
он медиум

Виктор Ерофеев: «Бабочек Набоков любил больше, чем людей»

Век Москва — 1999 — 22 апр — с. 6

Мы попросили писателя Виктора Ерофеева написать «что-нибудь о Набокове» ввиду двух обстоятельств. Во-первых, Ерофеев, пожалуй, самый неистовый «пропагандист» Набокова в России в посткоммунистическую эпоху. Во-вторых, Ерофеев, можно сказать, классик того направления современной литературы, к которому ревнители незамутненной чистоты жанра причисляют и Набокова — «модернизм». «Написать?» — пригласил Виктор. И предложил о Набокове... поговорить. Почему бы и нет, ответили мы.

себя чувствует и принять меня не сможет. Но книжку я передал... Вообще, что до «вторых прав», семья Набоковых болезненно и, разумеется, корыстно щепетилась. Сын Дмитрий зашел (не знаю как сейчас) исследовать Набокова цитировать отсюда больше, чем, скажем, в пять строк. Если шесть — то плати. Бедные американские исследователи тщательно выверяют количество слов, чтобы, не дай бог, не стать жертвами судебного преследования.

Говорил: для меня литература — только эстетическое наслаждение, остальное — журналистская дребедень.

— И был последователен в этом

Владимир Набоков родился в 1899 году в Санкт-Петербурге. Отец писателя, В. Д. Набоков, один из лидеров кадетской партии, в 1917 году был членом Временного правительства. После революции Набоков оказался в Крыму, а в 1919 году семья эмигрировала. Образование Набоков продолжил в Кембридже. После окончания университета переехал в Берлин и прожил там больше пятнадцати лет. В 1922-м в Берлине его отца убили большевики. В берлинские годы Набоков зарабатывал на жизнь частными уроками, боксом, теннисом и стихосложением. С французским языком, двумя изгнанниками, бежавшими от начала 20-х годов под псевдонимом Сириус публиковал стихи, а затем и романы. Дважды изгнанный, бежавший от стали, а затем и от Гитлера в 1940-м — в Америку. С 40-х годов он уезжает во Францию, в 1940-м — в Америку. С 40-х годов начинается англоязычный период творчества Набокова. Вплоть до продолжения академического преподавания. Он совмещал две академические должности, давая свою любовь между литературой и боксом. С 1961 года и до последних дней Набоков жил в Швейцарии в курортном городе Монтре на берегу Женевского озера в гостинице «Палеа». Умер в 1977 году. Похоронен близ Монтре.

своем убеждении, в чем-то ограничивая себя и загоняя в угол. Ощущения отсутствия Бога у него есть. А писатель, не верующий в Бога, идет по очень скользкой дорожке.

— А вы, Виктор, веруете в Бога?

— Скажу так: не знаю, что бы со мной произошло, если бы я не писал. Но когда сочинял свой роман «Русская красавица», вдруг понял, что это не я пишу! Нет, не для журналиста, не для славы. Я понял, что так не могу писать. Я так не знаю женщин, я так не чувствую стиль, я так не владею материалом. Мне вдруг нагнала интонация — и поволочила. Я писал страничку за страничкой. Это было не вдохновение, а какая-то другая энергия. После чего, сделав несколько логических шагов, я понял, откуда я. И пришел к определенному выводу.

— Вернемся к Набокову. Вот некоторые его отзывы о собрате по перу: «Фолкнер и Сартр — ничтожные баловни западной буржуазии», «Гемингвей (транскрипция В. Набокова. — В. Г.) — современный замеситель Майн Рида».

— Тут разбираю с современниками

ми. Когда он мучительно становился американским писателем, то понимал, что он хорош, и одновременно вокруг него были писатели-кумиры, те же Хемингуэй и Фолкнер, которые, если теперь поставить на гамбургский счет, не думаю, что окажутся сильнее Набокова. Он, подло, поразительно скуп на комплименты почти ко всем: жаба ревности, конечно, грызла его здорово. Опять, кстати, знак не очень большой душевной щедрости. В «Защите Лукина», если вчитаться, тоже страшно подумать молодца и обогнать! Он жил этими страхами. Этих страхов не ведал Пушкин.

— Набоков презирал «люблю дня». Под его пером неприятие «любодневности» подчас напоминало просто злобу. Был ли он вообще злым?

или камешком, или даже политик. Писатель — не мастер, он медиум. Едва Набоков возмнил себя «мастером», он провалился. Его роман «Ада» настолько плох, что не веришь, что это версез... Булгаков внес в литературу «мастерство», писательские — гуманистические ценности. Не будь Советской власти, не было бы и Булгакова. Потому что все идеи «Мастера и Маргариты» очень уж на поверхности. А Набоков сказал: литература — это ход конем, в литературе приемолинейных движений нет. И был абсолютно прав.

Я — другой

— Он исключал «души высокие порывы». Презирал общественный пафос и проповедничество. У него, если подвизник-идеалист, то непременно бездарь и полудурок. Как, например, Чернышевский в «Даре», «Пасквиле на русскую интеллигенцию». Боллинский, Добролюбов, Писарев — «такое же прелесть для русской литературы, как правительств».

— Он сам был идеалист! Яростно воевал с Советской властью. В начале пятидесятых он абсолютный фанат борьбы с Советами. Говорил американцам: «Советы — холодная война» заставила нас понять, что такое советский режим. Там такая

Библиография
романов
НАБОКОВА

(Указан год первой публикации)

Машенька. Берлин, 1926
Король, дама, валет. Берлин, 1928
Защита Лукина. Берлин, 1930
Соглядайте. Париж, 1930
Подвиг. Париж, 1932
Камера Обзора. Париж, 1933
Отчаяние. Берлин, 1936
Приглашение на казнь. Париж, 1938
Дар. Париж, 1937—1938
Solex Rex. Париж, 1940
Ultima Thule. Нью-Йорк, 1942
Подлинная жизнь Себастьяна Найта. Норфолк, 1941
Lolita. Париж, 1955
(в Нью-Йорке вышла только в 1967-м)
Pale Fire. Нью-Йорк, 1962
Ada. Нью-Йорк, 1969
Transparent Tings. Нью-Йорк, 1972
Посмотри на Арлекина. Нью-Йорк, 1974
(Книга воспоминаний «Другие берега» вышла в Нью-Йорке в 1954-м)

железобетонная политическая позиция, что дальше некуда. Он был человеком безукоризненной анти-советской складки. Скажем, «Приглашение на казнь» как роман идеологически расшифровывается именно так: если даже казнь, то все равно я не с вами. Я — другой, и если шагнуть к вам, мое «я» разрушится. Позиция прямо-таки Александра Матросова! Набоков часто играл. Что, кстати, тоже отличает его от русской литературы: был вполне идеологичен, но при этом укрывался за «игрой». Что касается его нападков на Достоевского, Горького, то здесь он как раз до конца не дошел. Именно эта литература в конечном счете привела к большевистской революции.

— Литература «больших идей»?

— Именно. Литература, когда «завтра» должно быть лучше, чем сегодня. Набоков все это недосмыслил, просто все время бранился по поводу каких-то «больших идей». При том, что «идеи» были направлены против него, его детства, выжженной эмиграции, ругать эта была какая-то не очень внятная. Все сводилось к одному: дайте мне побольше эстетики, возьмите ваши идеологические игрушки! Ради этого пукался на подлози: эссе о Гоголе написано великолепно, но это не Гоголь! Совершенно напрасно просмотрел значимость Достоевского. Я ненавижу через много лет переизданный «Бесы»: очень мощный импрессионистический писатель! У него по-настоящему сильное отношение к слову, как и у самого Набокова: хочешь сделать что-то «идеологическое», но его не увидят, а увидят он абсолютно наш! Вообще чем больше мы увидим Набокова человеческой фигурой — с ошибками, с кокетством, с промахами, со слабостями, тем лучше поймем его как писателя.

— А промах — это

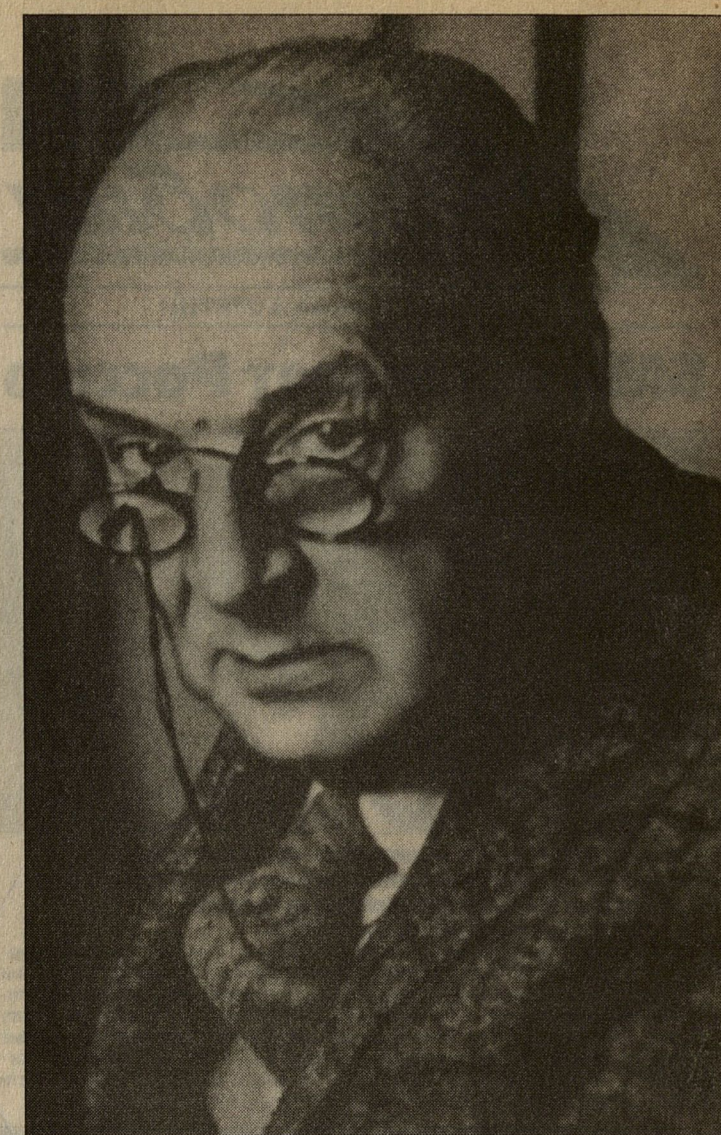
что? — У него два промаха: его поэзия и его каламбуры. Каламбуры — трюк-разрядники, на уровне каких-нибудь Загоскина или Марлинского. Впрочем, требовать от писателя, чтобы он соответствовал всем «критериям», невозможно. У него есть целый ряд произведений, которые его делают классиком этого века, и этого достаточно.

— А слабости?

— Самая большая — снобизм аристократа, что само по себе противоречие. Он, как известно, в самом деле аристократ, а снобизм — желание не будучи аристократом выдавать себя за аристократа. Я много занимался Набоковым, но это его качество у меня никогда не вызвало сочувствия. Отношение к людям или, скажем, отношению к журналистам, которые должны были передавать ему вопросы в письменном виде, как английской королеве.

Мы все — на чужбине

— Ощущение, что «чужбина» — он не очень любил. Пародировал, окарикировал. Или, может быть, скорее, не «чужбина», а человеческую пошлость? — Да, он любил бабочек больше, чем людей. В этом, пожалуй, тоже была реакция на великую русскую литературу. Потому что великая русская литература, как добродушный пень, который всех людей облизал. Они даже отмахиваются: от-

станы! А он все равно лижет. Набоков здесь — баланс: когда литература перегибает в одну сторону, то сама же как бы инстинктивно наклоняется в другую. Я думаю, что эмигрантское бытие с убийством отца и прочим мало способствовало тому, чтобы залезть или шагу к вам, мое «я» разрушится. Позиция прямо-таки Александра Матросова! Набоков часто играл. Что, кстати, тоже отличает его от русской литературы: был вполне идеологичен, но при этом укрывался за «игрой». Что касается его нападков на Достоевского, Горького, то здесь он как раз до конца не дошел. Именно эта литература в конечном счете привела к большевистской революции.

— Литература «больших идей»?

— Именно. Литература, когда «завтра» должно быть лучше, чем сегодня. Набоков все это недосмыслил, просто все время бранился по поводу каких-то «больших идей». При том, что «идеи» были направлены против него, его детства, выжженной эмиграции, ругать эта была какая-то не очень внятная. Все сводилось к одному: дайте мне побольше эстетики, возьмите ваши идеологические игрушки! Ради этого пукался на подлози: эссе о Гоголе написано великолепно, но это не Гоголь! Совершенно напрасно просмотрел значимость Достоевского. Я ненавижу через много лет переизданный «Бесы»: очень мощный импрессионистический писатель! У него по-настоящему сильное отношение к слову, как и у самого Набокова: хочешь сделать что-то «идеологическое», но его не увидят, а увидят он абсолютно наш! Вообще чем больше мы увидим Набокова человеческой фигурой — с ошибками, с кокетством, с промахами, со слабостями, тем лучше поймем его как писателя.

— А промах — это

что? — У него два промаха: его поэзия и его каламбуры. Каламбуры — трюк-разрядники, на уровне каких-нибудь Загоскина или Марлинского. Впрочем, требовать от писателя, чтобы он соответствовал всем «критериям», невозможно. У него есть целый ряд произведений, которые его делают классиком этого века, и этого достаточно.

— А слабости?

— Самая большая — снобизм аристократа, что само по себе противоречие. Он, как известно, в самом деле аристократ, а снобизм — желание не будучи аристократом выдавать себя за аристократа. Я много занимался Набоковым, но это его качество у меня никогда не вызвало сочувствия. Отношение к людям или, скажем, отношению к журналистам, которые должны были передавать ему вопросы в письменном виде, как английской королеве.

Мы все — на чужбине

— Ощущение, что «чужбина» — он не очень любил. Пародировал, окарикировал. Или, может быть, скорее, не «чужбина», а человеческую пошлость? — Да, он любил бабочек больше, чем людей. В этом, пожалуй, тоже была реакция на великую русскую литературу. Потому что великая русская литература, как добродушный пень, который всех людей облизал. Они даже отмахиваются: от-

этого образ стал ассоциироваться с революционными начинаниями, в ходе последующих лет выжившими к жизни по крайней мере два поколения нежных, высокообразованных и при том невероятно отважных молодых русских дворянок, готовых жизнь отдать ради спасения народа от правительственного гнета. Немало разочарований поджидал эти чистые татьянодобрые души, когда жизнь стала кипеть с реальными крестьянами и рабочими: простые люди, которых они пытались образовывать и просвещать, им не верили и их не понимали. Татьяна исчезла из русской литературы и из русской жизни перед самой Октябрьской революцией, когда власть взяла в свои руки мужчины-реалисты в тяжелых сапогах. В советской литературе образ Татьяны был вытеснен образом ее младшей сестры, ставшей теперь полногрудой, бойкой и красноречивой девицей. Она — это правильная девушка советской балетистки, она помогает налаживать работу завода, разоблачает саботажа, произносит речь и излучает абсолютное здоровье.

...Так, с карандашными в руках, блуждая с Набоковым-комментатором по оненинским строкам можно до бесконечности, пока наконец не начнет маячить разгадка природы гения Пушкина оказалась непозволительно близка. Комментарии Набокова задумливались как путеводитель по лабиринтам русской души для иностранных студентов, а обертнулись настоящей энциклопедией русской жизни.

Осел был самых
честных правил...
Набоков комментирует Пушкина

этого хрустального башмачок — XXXIII строфа» он зашевелил «за и против» всякого рода. Строки — Как я желал тогда с вами! Коснуться милых ног устам! по его версии могли относиться сразу к двум или даже к четырём женщинам, одной из которых едва исполнилось тринадцать с половиной лет, а другая находилась на последнем месяце беременности. «Нимфеткой» оказалась Мария Раевская. А метафора возникла из вполне реальной картины, которую подтвердила сама барышня в письме. Дело было в Таганроге, у моря. «Не подозревая, что поэт идет за нами, я забавлялась, убаюкивая волны, которая накатывала, догоняла меня и молила мне ноги... Пушкин нашел эту картину столь гармоничной, что написал чувственные стихи...» В восемнадцать лет Мария Раевская выйдет замуж за князя Сергея Волконского, видного декабриста, героически последует за ним в ссылку, где, по-

любит другого, тоже декабриста. (О проза жизни! — вырвется из Набокова.) Другая деталька — ее сестра, Екатерина Раевская, третья — беременная — красавица полянка Елизавета Воронцова. Четвертая — татарка Анна Ивановна, чья фамилия неизвестна. «Окончательное мое впечатление, — делает вывод Набоков, — если ножки, вросшие в строфе XXXIII, и имеют конкретную хозяйку, то одна из ножек принадлежит Екатерине Раевской, а другая — Елизавете Воронцовой...»

Иногда Набоков, пользуясь преимуществом последнего слова (живущего перед погребенным), вступает в полемику с Пушкинином. И даже уличает его в фальсификации. «Как могло получиться, что Ларина, деревенская сестра Онегина, не была ни на похоронах, ни на поминках (его дяди), которые потом столь явно откликнулись в том Татьяны?». Вот где Татьяна с Онегиным впервые встречаются в поэтике, замечая, что Пушкин в дуэли Оне-

стишки занимают исходные позиции в крайних точках, стоп, естественно, друг к другу лицом и опустив дула пистолетов. По сигналу они начинают сходиться и могут при желании выстрелить в любой момент. Онегин стал поднимать пистолет только тогда, когда оба сделали по четыре шага. Еще через пять шагов прогремел выстрел, который был убит Ленский. Если бы Онегин промахнулся, Ленский мог бы заставить подойти его к барьеру, а сам бы, не спеша, тщательно прицелился. Это была одна из причин, по которой серьезные дуэлянты, включая Пушкина, предпочитали, чтобы соперник выстрелил первым...

«Женские образы в романе Пушкина «Евгений Онегин» — в лидирующей теме школьных сочинений с незапамятных времен предположительно раскрыты двух основных «образов». Набоков насчитывает три: Татьяну, Ольгу и пушкинскую музу, как полноценную героиню. Любопытна дальнейшая судьба героини (муза не в счет), предсказанная Набоковым: Татьяна как «тип» (любимое словечко русской критики) стала матерью и бабушкой бесчисленных женских персонажей в произведениях многих русских писателей — от Тургенева до Чехова. Литературная эволюция превратила русскую Эпоху пушкинского сочинения Татьяны Лариной с княгиней N — в «национальный тип» русской женщины, пылкой и чистой, ментальной и примудрой, стойкого друга и героической женой... В исторической действительности